ВЕРСИЯ О ТОМ, КАК ЖИЗНЬ УБИВАЕТ ГЕНИЕВ

спектакль о Есенине в доронинском МХАТе

И таким версиям в российской истории - нет числа, никто не устоял перед этими приёмами, эти версии не обошли ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Клюева, ни Твардовского, ни Маяковского, ни Есенина… Так вот — Есенин: спектакль об этом. И о том, что характер — это судьба человека; плохой характер — плохая и судьба.

То же, что мы увидели теперь на сцене — есть очень хорошая разработка одного из главных элементов версии последних минут Есенина. Пьеса автора Яковлева в прочтении режиссуры Дорониной о неминуемой гибели, слагаемой из совокупности характера самого человека (т. е. Есенина), характеров окружающих его людей, характера обстановки вообще (несовместимости, злобы на злобу), сфокусированных в момент общей несовместимости всего того, что может называться судьбой… — и есть гибель того, против кого всё это и было направлено. В сущности, это задуманное убийство, но из совокупности психологических характеров и обстановки — это называют судьбой.

В спектакле можно угадать нить, что это вовсе не игра с судьбой, а прямое убийство.

Окружение, самое близкое, самое дружеское, вокруг Есенина — полярно-противоположно-политизированное, из разных культурных уровней и разных доброты и недоброжелательности — они и были основными творцами гибели Есенина. В сущности, это происходит с любым из нас и в наше время. Почему так актуально, с таким захватывающим интересом следишь за канвой развития спектакля? Да это всё и про нас!! И у нас творится всё то беззаконное, но узаконенное преступление! Убивают. И ещё как убивают!

Спектакль «Версия «Англитер» смотрится с большим интересом, мы угадываем, где инсценировка автора Яковлева, а где просматривается очень интересная режиссура Дорониной. В сущности, очень хороший исполнительский состав — с такими актёрами как Клементьев, Шалковская, Кабанов, Габриэлян, Кошукова, Моргунова — является тоже дополнительным хорошим материалом, режиссёром правильно выявленным, настроенным и доведённым до логического конца. Слаженно, чётко, психологично. И точно. А всё-таки главное действующее лицо: хорошо найдена тревожная, обволакивающая липкостью холодного подозрения, страшная атмосфера, что здесь идёт подготовка злодейства всех и вся против одного! Именно Доронина-режиссёр и доносит до зрителя сегодняшнего дня эту, как дым, заволакивающую тревогу: что ЗДЕСЬ уже не будет ЗАВТРА. У автора, может быть, этого и не было, но Доронина передала этот нерв, который гудит тревогой. (Это не смотровой момент, а психологический). Удача спектакля и заключается не в привычных понятиях игры актёра, режиссуры, сценариста, а в той пронизывающей канву спектакля — ДОГАДКЕ — которая передана через какую-то зудящую нарастающую тревогу, и она всё увеличивается так, что сама становится основным действующим лицом и действием!

Мы знаем историю Есенина, но совершенно невозможно было предугадать конец спектакля: вот последняя немая сцена и является просто вершиной в нём! Ничего не досказано до конца. Но вот эта тревожность, которая почти физически передалась зрителю, — всё и сказала: ЧТО у героя НЕ БУДЕТ ЗАВТРА. Это очень точно найденный режиссёром мотив.

Вот это и является основным нашим комплиментом, который мы хотим приплюсовать ко всему, что делает Доронина!

Её религиозное сознание, не ищуще вылиться в догматическое.., - она сама называет стихи Есенина «молитвой», но когда публично читает их — то публика не только

молитве внимает, а и зрит наяву, как плещется через край волшебный голос этой чудо-актрисы: роскошный, пронзающий, захватывающий, единственный во всём нашем современном русском театре…

Но ещё и во всех пластических решениях этого многосложного, многотрудного спектакля бьётся горячий пульс самой Дорониной, конгениальной Есенину: от первого, пленительного по невероятности и пронзительности, выхода Климентьева (Есенин) и до предпоследней безжалостной мизансцены, явить которую могла только ВЕЛИКАЯ ДОРОНИНА, сама, значит, познавшая высшее безразличие к собственной судьбе…

(Я не верю в существование какого-то ещё другого искусства, кроме конгениального той атмосфере, в которой оно рождается. Вот так-то!).

Непостижимая, горячая Доронина — она и в той мизансцене последней, немой и грандиозной! — с её полным сердечным доверием к зрителю, что он и сам проникнется этой её, доронинской, острой жалостью к загубленному неповторимому поэту…

Человек есть какой-то процесс в искусстве, а не индивидуальная единица, и остаётся он не таким, какой на самом деле, а каким поставит себя в истории. Ну, кем бы стала, например, Зоя Космодемьянская? — Да той же проституткой. — Но в первую военную зиму, когда повальное предательство косило страну, московская школьница-сморкачка сказала врагу: «Нет!» — и народ тут же воспел её как великую национальную героиню. А кем бы остался Блок с его немецкой поэзией? — Но именно он первый и единственный написал тогда это своё: «Гарцевал ты, барин? Гарцевал!» — и стал в этом прямо равен тому «добровольному защитнику стомильонного народа» (т. е. самому Толстому!). Ну а кем бы остался тот же Ленин? — Так бы и продолжал прятаться по подворотням! — Но в 17 году он взметнул себя над всем миром — и всё! Так вот за то, что ты, Татьяна Васильевна, на разломе и развале века и судьбы русской не предала и не продала рабочий класс и дело рабочего класса — мы тебя, голубку нашу, воспоём в народе, в истории, в судьбе, в легенде, в борьбе и в веках, и называем уже сейчас лучшей из актрис на Земле, Луне и Марсе!

Впрочем, хвалить Доронину — это уже банально. О ней можно говорить много, и с любовью, — о её невероятной, всегда значительной неповторимости. И ничего удивительного, что ей по плечу оказался и очень высокий дар режиссёра! Талантливые люди, если это есть от Бога — то это раз и навсегда. И во всём. Она очень удачливо-талантливо работала всегда, но сквозь бурные звуки наших дней услышать в одиночной судьбе одного человека тревогу о завтра — это больше всего и волнует в феномене Дорониной и в феномене этого её грандиозного спектакля! Татьяна Васильевна не просто большой человек — она сама какой-то удивительный пучок разносторонней талантливости, в которой всем уже ясно, что она не только большой художественный творец, но и очень Большой человек, оставаясь при этом редкой красоты женщиной-актрисой…

Женщина редкой красоты — это ли не дар Божий!

Так да здравствует великий русский театр — да здравствует великая русская Доронина — да здравствует жизнь!

Евгений ОДИНЦОВ

Газета «Дуэль», ноябрь 1999 г.,
номер не известен.